

В. И. Иванов — А. Г. Годяеву

*Рим, via Gregoriana, 12.
7 декабря 1935*

Дорогой Алексей Гаврилович,

Благодарю Вас за доверие, о котором свидетельствует Ваше письмо. Краткость последнего не позволяет мне составить точного понятия о Вашем душевном состоянии. Но важнейшее Вы все же сказали, а именно: что Вы человек твердо верующий и что даже готовитесь к священнослужительству. Была бы твердая вера, а остальное приложится, и все устроится в Вас действием Благодати Божией. Скорбеть о гибели утраченного естественно, уныние же — грех и измена духу не гибнущему. Что Бог дал, то и взял: если по грехам нашим, то мы этого заслужили и должны исправиться; если во испытание верности нашей, то мы должны явить себя сугубо и действительно верными. Действенность же (а не пассивная косность) верности нашей первым долгом ставит для нас проверку самой верности: хотим ли быть верны непреходящему или преходящему Богу или его «кумиру и всякому подобию»? Не будем уподобляться Евреям, плачущим на развалинах старого храма и не узнающим нового, нерукотворного Храма, Тела Христова, Его Церкви... Вы сетуете о «разрушении русской культуры»; но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина и одна Красота, так и культура, в существенном и последнем смысле этого слова, — культура, как духовное самоопределение и самораскрытие человека, — выражение вселенского единства и дело вселенского единения. Так и русская культура лишь один из типов и одна из граней единой культуры. Бессмертное в творчестве бессмертно для всех; да и задумываются величайшие творения мысли и искусства с целью утвердить некую всеобщую истину, воплотить некую всеобщую идею, и только потом оказывается, что мыслитель или художник, выражая это всеобщее, существенно выразил особенность их национальной души.

Достоевскому казалось, что истинно русский человек прежде всего «всечеловек» и что поэтому он в Европе более европеец, нежели француз или англичанин или немец, из коих каждый чувствует себя именно французом или англичанином или немцем и лишь условно и отвлеченно — европейцем. Итак, русскому беженцу, действительно верному заветам русского духа и русского духовного дела, надлежит прежде всего вырваться из бытовой и психической замкнутости и затхлости местных русских «колоний» и жить общею жизнью с народами Запада <...>

